

своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», что первым общественным разделением труда было выделение пастушеских племен; отделение же ремесла от земледелия явилось дальнейшим, вторым этапом разделения труда в обществе. Вызывает удивление то обстоятельство, что в раннефеодальной Абхазии VI—X вв. среди верхушки общества, уже не удовлетворявшейся своими первобытными жилищами, автор, наряду с феодалами, называет кулаков (стр. 28). В книге имеются стилистические погрешности, например: «Первыми видами жилищ в Абхазии в эпоху палеолита, надо полагать, были естественные пещеры и первобытные или временные шалаши из соломы или хворостины...» (стр. 20) (Разрядка моя.—Я. С.). Кстати, о необходимости более тщательной литературной правки публикаций, выпускаемых Абхазским государственным издательством, приходится говорить уже не впервые.

Не эти, однако, «досадные опечатки» определяют лицо работы И. А. Аджинджала. Содержа большой и тщательно обработанный оригинальный материал по абхазскому жилищу, она является еще одним новым ценным пополнением литературы по этнографии абхазов.

Я. Смирнова

Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, т. 3. Этнография. Алма-Ата, 1956, 284 стр.

В послевоенные годы развитие советской этнографической науки, как известно, ознаменовалось резким поворотом в сторону изучения современности. Исследования, посвященные разработке той или иной этнографической проблемы, в большинстве хронологически доводятся до наших дней. Имеется и ряд работ, специально отведенных освещению как отдельных сторон современной жизни народов СССР или зарубежных стран (материальная культура, семейные отношения, общественный строй, этнический состав и т. п.), так и всестороннему комплексному описанию отдельного народа либо какой-то его части на современном этапе развития.

Среди этих работ видное место занимают исследования культуры и быта колхозного крестьянства народов СССР, построенные в плане монографического описания какого-либо колхоза, района или более широко — целого народа. Такие работы опубликованы или готовятся к опубликованию в виде отдельных книг, журнальных статей или небольших монографий, входящих в состав этнографических сборников, посвященных отдельным народам¹.

К числу подобных изданий относится и рецензируемая книга, написанная группой казахстанских этнографов. Появление этой книги следует всячески приветствовать. Напомним, что если в дореволюционной литературе этнография Казахстана довольно широко освещалась (главным образом — вопросы социального строя и духовной культуры)², то за годы советской власти опубликовано крайне мало работ, посвященных этнографии казахов или в той или иной мере касающихся данной тематики. После выхода в свет в конце 1920-х гг. серии трудов, завершивших работу возглавлявшейся С. И. Руденко комплексной антрополого-этнографической экспедиции Академии наук и содержащих ряд обобщающих статей по материальной культуре казахов западных и

¹ См.: Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русьякина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XXIV, М.—Л., 1954; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955; И. Ф. Симоненко, Соціалістичні перетворення у побуті трудящих села Неречниці Закарпатської області, Київ, 1957; И. Х. Калмыков, Культура и быт черкесского колхозного аула, Черкесск, 1957; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVII (в печати); «Русское село Вирятино в прошлом и настоящем», Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XLI (в печати); Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXI, М., 1954; Л. Х. Акаба, Абхазы Очамчирского района, «Кавказский этнографический сборник», I, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXVI, М., 1955; А. В. Смоляк, Материалы к характеристике социалистической культуры и быта коренного населения Чукотского района, «Сибирский этнографический сборник», II, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXV, М.—Л., 1957, а также ряд статей в журнале «Сов. этнография» за 1948—1957 гг.

² Библиографию см.: А. Н. Харузин, Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и кара-киргизов, «Этнографическое обозрение», 1891, № 2 (Приложение); А. Е. Алекторов, Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах, Казань, 1900 (Приложение к «Известиям Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те» за 1900 г.); Е. А. Вознесенская и А. Б. Пинтровский, Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик, Л., 1927.

восточных областей Казахстана³, рецензируемый сборник является первой значительной публикацией по современной этнографии Казахской ССР.

Три статьи, составляющие основное содержание сборника, посвящены характеристике современного хозяйства, культуры и быта казахов-колхозников и одна — семейному и общественному быту уйгуров, живущих на территории Казахстана. В основу всех этих статей легли новые полевые материалы, собранные в последнее десятилетие, главным образом самими авторами, работавшими в составе экспедиций, организованных сектором этнографии Института истории Академии наук Казахской ССР и Институтотом этнографии Академии наук СССР; при написании работ авторы учли имеющиеся литературные источники и некоторые архивные материалы.

Работа В. В. Вострова «Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области», наиболее значительная по объему, представляет собою монографическое описание одной из групп казахского народа, известной под названием Внутренней, или Букеевской, орды. Перед автором стояла весьма сложная задача — дать, при сравнительно небольшом объеме, монографическое исследование в историческом плане, осветить сложный процесс изменения хозяйства, всех сторон быта, мировоззрения казахов описываемой группы. Работа состоит из двух равных по объему частей; в первой дается обзор литературы, историческая справка об образовании Букеевской орды, характеристика социально-экономических отношений, хозяйства этой группы казахов, краткое описание различных типов жилища (переносного и постоянного), одежды, пищи и утвари, путей сообщения. Специальные разделы посвящены семейному быту, народным занятиям и народному образованию в прошлом. Вторая часть работы состоит из двух глав, в которых освещаются основные вопросы, связанные с социалистическим преобразованием хозяйства, развитием оседлого поселения и жилища, изменениями, происшедшими в области семейных отношений, культуры и быта казахского крестьянства. В этой главе, написанной почти исключительно по полевым материалам, собранным лично автором, особенно удачными являются, на наш взгляд, разделы «Производственный быт» и «Брак и семья», в которых автор на конкретных примерах показывает, как за сравнительно короткий срок изменилось само отношение колхозного крестьянства к труду и как прочно вошли в быт прогрессивные методы ведения хозяйства. Описывая животноводство, автор, показывая себя здесь внимательным наблюдателем, не отрывает производственного процесса от быта животноводов, что чрезвычайно важно, так как именно эта черта является специфической при системе отгонного животноводства; наоборот, автор показывает, как вместе с хозяйством меняется и быт животноводов. То же следует сказать и о разделе «Брак и семья», где на многочисленных примерах дана яркая картина перестройки чрезвычайно сложного семейного уклада, определявшего бесправное положение женщин в прошлом, показано формирование новой семьи, изменение обычаев в наше время.

Следует отметить неравномерность в разработке В. В. Востровым отдельных тем, чрезмерную краткость некоторых описаний. Это проявилось в первую очередь в недостаточном этнографическом анализе таких явлений материальной культуры, как одежда, ремесло и прикладное искусство. Нельзя, разумеется, требовать от автора исчерпывающих исследований по всем затрагиваемым вопросам, но в таких работах, относящихся к этнографической характеристике отдельных групп изучаемого народа, не следовало ограничиваться, например, лаконичным, данным в самой общей форме, описанием одежды; необходимо было более подробно остановиться на ее покрое, на формах головных уборов, видах украшений и хотя бы кратко обрисовать их локальные особенности. Описание ремесел, данное коротко для прошлого времени, отсутствует во второй части исследования, хотя некоторые из них сохраняются и в современном быту, не играя, правда, значительной роли. О прикладном искусстве, характеризующем богатое народное творчество, автор не упоминает совсем, хотя некоторые виды его (узорное ткачество, выделка узорных кошм, вышивание) продолжают бытовать и играют значительную роль в убранстве жилища. В разделе «Современное жилище» нет обобщений, не указано, для какой же территории характерен описанный тип его. Автор не останавливается на возникновении и развитии двора, свидетельствующих об оседлом быте, о новых формах хозяйства.

Вторая работа — И. В. Захаровой («Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана») включает три раздела: первый, сравнительно небольшой, служит как бы историческим введением, в котором дается краткая, но четкая характеристика особенностей хозяйства и быта (животноводство, полеводство, жилище, одежда, пища) казахов исследуемых групп в предреволюционный период; затем идут

³ «Казаки. Антропологические очерки», «Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик», вып. 3 и вып. 11, Серия казахстанская, Л., 1927; «Казаки. Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР. Исследования 1927 г.», «Материалы комиссии экспедиционных исследований», вып. 15. Серия казахстанская, Л., 1930. Следует отметить, что, во-первых, в указанных сборниках совершенно не затронуты вопросы духовной культуры и что, во-вторых, изложенные в них материалы относятся к тому времени, когда социалистические преобразования в политико-экономической области еще слабо сказались на изменении быта казахов, продолжавшего почти целиком сохранять черты, характерные для конца XIX — начала XX в.

две большие главы («Хозяйственный быт» и «Материальная культура»), составляющие основу исследования. На конкретном этнографическом материале, собранном в последние годы (1947—1953) и охватывающем значительную территорию (Алма-Атинская и Джамбулская области), автор рассматривает процесс перестройки хозяйства, сложные новые формы быта казахских колхозников. Особенно удачен раздел о современных поселениях и жилищах, носящий несомненно исследовательский характер. Здесь нашли свое отражение сложные процессы создания у казахов постоянных поселений и жилищ — этих важнейших черт оседлого быта, дается подробная характеристика различных типов жилища, показано развитие его более сложных форм. Этот процесс рассматривается на общем фоне хозяйственной жизни населения, в связи с его бытовыми особенностями, с ростом его материальной обеспеченности и возрастающих культурных запросов. На примере жилища автор выявляет культурные связи казахов с другими народами, живущими на территории Казахстана (русские, украинцы, уйгуры). Однако, нам кажется, автору следовало бы уделить большее внимание влиянию на быт казахов русских и украинских переселенцев в Семиречье в конце XIX — начале XX в. Переселение это шло из различных губерний России, имевших свои этнографические особенности, которые неизбежно должны были сказаться и при выработке различных форм оседлого казахского жилища.

Очень ясно, хотя и кратко, дано описание современных ремесел и домашних промыслов, сохраняющихся в быту казахов. Характеристике современной одежды в процессе ее изменения И. В. Захарова уделяет больше внимания, чем автор предыдущей работы. Что же касается старинной одежды, то И. В. Захарова, как и В. В. Востров, описывает ее предельно лаконично (всего на одной странице), в самых общих чертах, не выявляя ее локальных особенностей. Нам представляется, что авторы, не давая подробных описаний одежды, могли бы значительно шире показать ее хотя бы в иллюстрациях. Они не использовали такого важного источника, как вещевые коллекции и богатые иллюстративные фонды, хранящиеся в музеях Алма-Аты, Ленинграда (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Государственный музей этнографии народов СССР) и др. Здесь сказалась явная недооценка одежды как одного из важнейших этнографических источников, дающего богатый материал при изучении этнической истории любого народа, его культурных связей, а также народного творчества. Казахстанским, как и другим среднеазиатским этнографам, при дальнейших исследованиях следует обратить серьезное внимание на изучение этой области материальной культуры. Это тем более важно, что даже в дореволюционной, в целом весьма обширной, литературе по казахам нет ни одной специальной работы, посвященной их одежде. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что одежда даже конца XIX — начала XX в. давно ушла из быта и лишь отдельные части ее иногда хранятся в сундуках женской части населения как семейная реликвия.

Несколько слов об иллюстрациях к обеим рассматриваемым статьям. Как известно, в работах, посвященных материальной культуре, иллюстрации имеют огромное познавательное (а не только «украшательское») значение, но это лишь в том случае, если к иллюстрациям даются соответствующие аннотации — с указанием местных терминов, времени и места изготовления или бытования и т. д. Положительной стороной рецензируемого сборника является наличие в нем цветных таблиц, характеризующих основные виды народного прикладного искусства (6 таблиц). Однако к ним, к сожалению, даны настолько краткие подписи, что из них нельзя узнать ни назначения данного предмета, ни его точной датировки. К тому же размещены таблицы крайне неудачно, в большинстве случаев не имея отношения к тем местам текста, куда они вклеены, и вообще они мало связаны с текстом. Так, в таблице «Роспись по дереву» (к статье В. В. Вострова) не указано даже, на каких предметах эта роспись встречается, а в тексте автор вообще не упоминает о росписи. Таблица «Орнаментированные кошмы», относящаяся к работе И. В. Захаровой, вклеена в текст статьи Н. С. Сабитова, не имеющей к этому никакого отношения, тогда как Захарова посвятила специальный раздел своей работы прикладному искусству. Здесь — явный недосмотр технического редактора книги.

К работе И. В. Захаровой примыкает статья Н. С. Сабитова «Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников», написанная по материалам тех же областей юго-восточного Казахстана. Коснувшись вкратце социальных отношений и положения женщины в дореволюционном Казахстане, автор значительную часть своей работы посвятил характеристике современной общественной и семейной жизни казахских колхозников. Вполне соглашаясь с таким распределением материала, при котором в центре исследования находятся явления современности, нельзя не упрекнуть автора в том, что им не показан сложный процесс перестройки быта и самого мировоззрения казахов в связи с коренным изменением социально-экономических условий их жизни. У читателя создается впечатление, что автор, говоря об исчезновении пережитков в быту и сознании колхозного населения, несколько приукрашивает действительность. Известно, что многие из этих пережитков до наших дней дают себя знать, и Н. С. Сабитову следовало бы привлечь внимание к необходимости борьбы с ними. Так, автор утверждает, что «исчезли различные унизительные обычаи, которые подчеркивали подчиненное положение невестки» (стр. 200), или что «нередко мужчина принимает участие в домашней работе, считавшейся прежде исключительно женским делом, например колет дрова, носит воду и т. д.» (стр. 201). Нам приходилось в те годы, к которым отно-

сятся материалы Н. С. Сабитова, довольно часто наблюдать обратные явления, причем не только в семьях рядовых колхозников, но и в среде казахской сельской интеллигенции. Так, например, в 1949—1950 гг. лишь как редкое исключение можно было увидеть казаха, несущего ведро с водой; даже среди детей строго соблюдалось традиционное распределение домашних обязанностей, при котором девочкам приходилось выполнять такие тяжелые работы, как ношение воды и т. п. Автор прав, конечно, говоря, что «уничтожена почва для угнетения женщины в семье» (стр. 199); однако в отдельных семьях еще наблюдаются пережитки старых обычаев, ставящих женщину в бытовом отношении в неодинаковое с мужчиной положение.

Неправ Н. С. Сабитов и в том, что о принадлежности к тому или иному роду помнят только старики. Собранные нами в 1949 г. в тех же районах материалы показывают, что родовое деление хорошо известно даже мальчикам 10—12 лет. Сам автор рассматриваемой работы пишет дальше, что «пережитки родовой экзогамии сохраняются и поныне» (стр. 202). Вместе с тем Н. С. Сабитов, прекрасный знаток казахского быта, описывает ряд старинных обычаев, в той или иной форме бытующих и теперь, но получивших иное содержание. Автор показывает переосмысление этих обычаев в новых условиях (стр. 204—206).

Хорошо написан Н. С. Сабитовым раздел о народном образовании. Остановившись коротко на дореволюционном состоянии казахского аула в этом отношении, автор рассказывает далее о мероприятиях Коммунистической партии и Советской власти, обеспечивших большой культурный рост населения Казахстана, и о современном уровне образования казахских колхозников. Н. С. Сабитов останавливается при этом на описании таких специфических форм культурной работы, как красные юрты, и в наши дни играющие большую роль в культурном обслуживании той части населения, которая в силу специфики отгонной системы животноводства вынуждена значительное время находиться на отдаленных от селений пастбищах. С интересом читаются страницы, посвященные описанию национальных видов спорта — «казахша курес» (борьба), «байге» (скачки), «сайыс» (борьба на конях), а также колхозной художественной самодеятельности. В целом данный раздел работы Н. С. Сабитова дает яркую картину современной культурной жизни казахского колхозного аула.

С большим интересом читается работа Р. Д. Ходжаевой «Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана», написанная живо и увлекательно, преимущественно на основе собранных лично автором материалов. Это первая из существующих в литературе работа, специально посвященная положению уйгурской женщины как в дореволюционное, так и в советское время. Автору удалось убедительно показать, как в результате коренных преобразований в социально-политической, хозяйственной и культурной жизни уйгурского населения Советского Казахстана изменилось положение уйгурки в обществе и семье, как она из бесправной, стесненной множеством запретов, обусловленных пережитками древних патриархально-родовых отношений, и навязанными исламом обычаями, превратилась в равноправного члена советского общества, занимая равное с мужчиной положение в производстве, в общественной жизни и в семейном быту.

Описывая в первой главе быт уйгурской женщины в конце XIX — начале XX в., после переселения части уйгур из Илийского края в Семиречье, автор подробно останавливается на брачных и свадебных обычаях и обрядах, прослеживая древние истоки некоторых из них (например, предпочтительность браков между родственниками — обычай, восходящий, как отмечает автор, к брачным отношениям, характерным для первобытно-общинного строя; стр. 237). Рассматривая вопрос о существовании калыма у уйгуров и приводя два противоположных мнения по этому вопросу, Р. Д. Ходжаева склонна считать, что «калым как выкуп за невесту в рассматриваемое нами время уже не существовал, хотя родители невесты и получали со стороны жениха подарки» (стр. 238). Существовавший в то время у уйгуров «селик» (возможно, по мнению автора, пришедший на смену калыму) имел иное назначение, так как шел не в пользу родственников невесты, а на ее собственные нужды, на устройство хозяйства молодоженов. Кроме селика, жених делал подарок матери невесты — «аналик», который считался как бы выражением ей благодарности за ее материнские заботы о невесте. Подобный обычай, отмечает автор, известен и у других народов Средней Азии.

Во второй и третьей главах работы Р. Д. Ходжаевой рассматривается общественное и семейное положение уйгурской женщины в Советском Казахстане. Автор разрабатывает свою тему не изолированно, а на фоне социально-экономических преобразований, осуществленных за годы Советской власти, на фоне общих хозяйственных и культурных успехов народов Казахстана в послереволюционное время. Показано, как Советское правительство, следуя принципам ленинской национальной политики партии, создало все условия, благоприятствующие развитию хозяйства и культуры уйгуров, живущих в среде казахского народа. Сообщается о советском законодательстве, установившем правовое равенство женщины (в частности в среднеазиатских республиках), и направленном на ликвидацию старых, унижавших женское достоинство обычаев (уплата калыма, многоженство, выдача девушки замуж против ее воли и т. п.), о мероприятиях по осуществлению фактического равенства женщины во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни. Автор останавливается на конкретных примерах из жизни женской части уйгурского населения Казахстана, приводит имена и биографии женщин, сыгравших передовую роль на различных этапах социалистиче-

ского строительства, и тех, которые ныне работают на ответственных участках партийной и советской работы, стоят в первых рядах тружеников производства, активно содействуют подъему культурного уровня своего народа, пополняя ряды педагогов, врачей, ученых, работников искусства и т. д.

Огромные перемены произошли и в семейном быту казахстанских уйгуров. Под влиянием новых общественно-экономических условий исчезли многие старые брачные нормы и обычаи. Так, например, брак теперь в большинстве случаев заключается в соответствии со взаимной склонностью юноши и девушки, в результате их предварительного знакомства. «Вступление в брак,— пишет Р. Д. Ходжаева,— бывшее нередко в прошлом печальным и даже трагическим событием в жизни уйгурской девушки, превратилось для нее в свободный выбор любимого человека...» (стр. 274). Однако, как отмечает автор, еще наблюдаются со стороны стариков попытки вмешаться во взаимоотношения молодежи, противодействовать свободному выбору будущего мужа или жены (там же). В современном свадебном обряде исчезли многие старинные черты, самый обряд значительно упростился, но все же нередки случаи устройства свадьбы в соответствии со старыми обычаями — примеры этому приводятся автором (стр. 274—275). С другой стороны, Р. Д. Ходжаева далее сообщает о внедрении новых свадебных обычаев, в круг которых входит предварительная регистрация брачующихся в ЗАГСе, устройство товарищеских вечеринок с участием друзей, нередко — представителей других национальностей, и т. д. (стр. 276). В новых семейных взаимоотношениях примечательны изменения, происшедшие в положении невестки («келин»), ранее крайне приниженном. Ныне келин во многих семьях стала равноправным их членом, хотя кое-где еще наблюдается стремление к сохранению старых обычаев по отношению к ней. Остановившаяся далее на других сторонах современного быта казахстанских уйгуров, автор в заключение подчеркивает, что «судьба уйгурской женщины, как и женщины других национальных советских республик Востока, является поучительным и вдохновляющим примером для развития мощного прогрессивного общественного движения в защиту прав женщины в странах, находящихся в колониальном и зависимом положении» (стр. 284).

Недостатком работы Р. Д. Ходжаевой следует признать, что в ней слабо отражена специфика быта уйгуров, отличающая их от других народов Средней Азии.

В результате рассмотрения включенных в рецензируемый сборник работ мы приходим к выводу о его несомненной ценности. Приводимые авторами данные значительно обогащают наши сведения о современной жизни населения отдельных областей Казахстана. Следует пожелать казахстанским этнографам новых успехов в дальнейших исследованиях и публикациях, уже по другим областям Казахской ССР.

О. Корбе, Е. Махова

Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1956, 181 стр.

Рецензируемая книга посвящена публикации материалов Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции, собранных в 1953 г. Три четверти тома занимают статьи сотрудников антропологического отряда.

Статья Г. Ф. Дебеца «Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных» представляет собой введение к антропологическим статьям сборника. Автор подвергает убедительной критике теории происхождения тюрков, выдвинутые турецкими националистами, и заблуждения по вопросам тюркского этногенеза, проникшие в нашу литературу. В соответствии с большинством исследований, трактующих проблемы происхождения тюрков, Г. Ф. Дебеч пишет, что «теория центральноазиатского происхождения тюрков... остается в основных своих положениях непоколебленной» (стр. 8). Исходя из этого общего положения, автор статьи рассматривает антропологический материал, который может быть мобилизован для освещения происхождения киргизского народа. Он указывает на то, что «подавляющее большинство физических предков современных киргизов происходит из Центральной Азии» (стр. 16), однако «небольшие отличия антропологического типа киргизов долин от типа киргизов горных областей позволяют предположить, что древнее европеоидное население этих долин все же вошло, хотя и в незначительной доле, в состав киргизского народа» (стр. 17). Таким образом, Г. Ф. Дебеч, как и авторы других антропологических статей сборника, отстаивает точку зрения пришлого, центральноазиатского происхождения основной массы предков современных киргизов. Наиболее важным в этой связи является определение времени проникновения центральноазиатских кочевников на территорию Киргизии. Очевидно, что массовое проникновение их относится к концу I — началу II тысячелетия н. э. Спорным является вопрос о времени начала переселения. В противовес широко распространенному взгляду о монголоидном типе черепов из Кенкольского катакомбного могильника, впервые высказанному покойным А. Н. Бернштамом и защищаемому в настоящее время В. В. Гинзбургом и рядом других исследователей, Г. Ф. Дебеч утверждает, что монголоидные черты у населения Кенкольского могильника были выражены не резче, чем у населения Киргизии в предшествующую